

> МАТИС ТРАЛЪ >

ИХАРА САЙКАКУ

Рассказы из всех
провинций

Москва

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)-44
С14

Перевод с японского
Ирины Львовой, Татьяны Редько-Добровольской
Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Сайкаку, Ихара.
С14 Рассказы из всех провинций / Ихара Сайкаку ; [перевод с японского И. Львовой, Т. Редько-Добровольской]. — Москва : Эксмо, 2025. — 224 с.

ISBN 978-5-04-211068-9

Ихара Сайкаку — признанный классик японской литературы, отточивший мастерство бытового рассказа, писал живым и сжатым слогом с затейливой изобретательностью, со вспышками юмора и словесной игры.

Жанровый диапазон творчества Сайкаку необычайно широк. В этой книге читатель найдет разные по характеру произведения — любовные, бытовые, волшебнo-фантастические, судебные и другие. Ирония, сарказм, пародийный гротеск — излюбленные приемы автора, но в смехе его слышна печаль о превратности жизни и человеческой судьбы.

УДК 821.521-82
ББК 84(5Япо)-44

© Львова И.Л., перевод на русский язык.
Наследник, 2025
© Редько-Добровольская Т.И., перевод на
русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211068-9

СБОРНИК «РАССКАЗЫ ИЗ ВСЕХ ПРОВИНЦИЙ»

Мир широк. Все края обошел я и всюду искал семена, из коих вырастают рассказы. И вот узнал я, что в горной глуши Кумано водятся рыбы, привольно плавающие в кипящих водах горячих ключей; в краю Тикудзэн растет редька, столь огромная, что нести ее нужно вдвоем, продевши на палку; в Бунго — бамбук-исполин такой толщины, что — разрежь его на куски — вот тебе готовые кадки... В Вакаса обитает монахиня, а лет ей от роду — двести; в Катада живет женщина-великанша ростом в пять сун и семь сяку; в Тамба воздвигли храм, где поклоняются огромному сушеному лососю длиной в дзё и два сяку¹; в Мацумаэ растут морские водоросли длиной в триста кэн; в Ава, близ морской быстрины Наруто, имеется сундучок морской девы, дочери владыки моря Дракона; на горе Сираяма, что в краю Кага, хранится кошелек властителя ада Эмма; в Синано, в местности Нэдзамэ есть ларчик с огнивом самого Урасима; в Камакура — тетрадка, куда зано-

¹ Один дзё два сяку — около 3,60 метра (один дзё — 3,03 м).

сил расходы сам Ёритомо¹; в Сага, бывшей столице, женщины вплоть до сорока лет ходят в кимоно с длинными рукавами²...

Поразмыслишь об этих чудесах и убедишься, что люди — настоящие оборотни, и нет такой диковины, коей не нашлось бы на этом свете.

¹ *Ёритомо* — глава феодального дома Минамото (1147—1199).

² *Длинные рукава*, по обычаю, носили только молодые незамужние девушки.

СВИТОК ПЕРВЫЙ

*Стой, путник, и сойди с коня,
Послушай недавних лет рассказы
Из всех провинций!*

ТЯЖБА, РЕШЕННАЯ КО ВЗАИМНОМУ УДОВОЛЬСТВИЮ

Фудзивара Каматари, великий канцлер, дабы вернуть сокровища, похищенные дочкой владыки моря Дракона, пригласил из столицы искуснейших музыкантов и повелел им играть на водах. Два барабана, кои при сем звучали, поступили затем на хранение, один — в Великий Восточный храм Тодайдзи, другой — в Великий Западный храм Сайдайдзи, в городе Нара.

Со временем барабан из Сайдайдзи передали во владение храма Ниси-Хонгандзи, в столичный город Киото, где он звучит и поныне, оповещая жителей о наступлении определенного часа. Много лет назад, когда на барабане меняли кожу, на внутренней стенке корпуса обнаружили надпись, рассказывающую о способе изготовления чудодейственного лекарства — пилюль «хосинтан», коими славился храм Сайдайдзи. Этот барабан, снаружи деревянный, изнутри расписан золотой и серебряной краской и украшен яркими рисунками, изображающими сонмы небесных воинов-хранителей Будды. Поистине другого столь роскошного барабана не найдется во всей Японии.

Что до второго барабана, то он остался в храме Тодайдзи, и потому всякий раз, как с наступлением Нового года совершалось особо торжественное богослужение и возникала нужда в этом барабане, соседний с Тодайдзи храм Кофукудзи брал его взаймы для отправления службы.

Как-то соседи вновь попросили барабан, но монахи храма Тодайдзи ответили отказом, причинив тем самым немалые затруднения храму Кофукудзи. Пришлось самому настоятелю вместе с главным жрецом храма Касуга вторично обратиться в Тодайдзи с просьбой — дать барабан хотя бы в последний раз. Те в конце концов с неохотой дали, и в храме Кофукудзи отслужили службу, как полагалось.

Вскоре из храма Тодайдзи прибыли посланцы с просьбой возвратить барабан, однако монахи храма Кофукудзи и не думали отдавать его обратно, и в превеликом волнении собрались в храме на совет.

— Столько лет мы брали у них барабан, а нынче они вдруг отказывают! Нет, по-хорошему, в целостности и сохранности мы им барабан не вернем! Его прежде разломать надо, кожу изодрать в клочья, — кричали одни; другие же добавляли: — Нет, этого мало! Лучше сожжем его дотла в поле Тобухи!

В особенности ярились молодые, задиристые монахи; громкий крик стоял в главном притворе храма, унять буйных было невозможно.

Тогда выступил вперед престарелый монах, ведавший обучением послушников, и сказал:

— С самого утра внимаю я вашим словам, и все они — во вред государству! Есть способ вернуть барабан целым и невредимым и в то же время устро-

ить так, чтобы он навеки перешел в наше владение!

И вот они стерли с внутренней стенки прежнюю надпись «Тодайдзи» и сызнова написали то же название, но свежей тушью, после чего вернули барабан, никого не оповестив о своем поступке. В храме Тодайдзи обрадовались, бережно спрятали барабан и больше не доставали.

На следующий год, перед началом богослужения, из храма Кофукудзи в храм Тодайдзи послали монаха и велели ему сказать следующее: «Я прибыл, как обычно, за нашим барабаном, каковой мы временно оставляли вам на хранение!» Услышав такие слова, монахи храма Тодайдзи чрезвычайно разгневались, избили посланца и прогнали его ни с чем.

Тогда храм Кофукудзи подал жалобу правителю города Нара, и началась тяжба. В ходе расследования барабан тщательно осмотрели и увидели, что кто-то соскреб старую надпись и взамен вывел слово «Тодайдзи» свежей тушью.

— Даже если надпись сия — уловка монахов храма Кофукудзи, все равно это упущение храма Тодайдзи, раз они недоглядели за сохранностью своего барабана, — сказал правитель. — Теперь невозможно установить, какова была прежняя надпись. А посему отныне барабан переходит в собственность храма Кофукудзи, местом же хранения его, по обычаю прошлых лет, определяем храм Тодайдзи.

С тех пор барабан по-прежнему хранится в храме Тодайдзи, но монахи храма Кофукудзи беспрепятственно берут его каждый год и бьют в него, сколько им заблагорассудится.

ЖЕНЩИНА-ПЛОТНИК В ЗАПРЕТНЫХ ПОКОЯХ

В столице у моста Кодзорибаси, что на Первом проспекте, жила женщина-плотник; носила в рабочем ящике пилу и рубанок, угольник и баночку с тушью; нос у нее был приплюснутый, руки, ноги — могучие, а впрочем, ежели внимательней присмотреться, в лице ее можно было заметить некоторую приятность, и работу плотницкую исполняла она отменно, тем и добывая себе пропитание.

«Столица наша обширна, и мужчин-плотников полным-полно. Зачем же нанимать женщину?» — удивлялись иные, но им отвечали: «А затем, что долго и хлопотно узнавать да расспрашивать, кто таков плотник да откуда родом, когда его труды требуются во дворце, в запретных женских покоях, пусть даже для такой мелкой работы, как замена обветшавших бамбуковых решеточек в окнах или починка заостренных колышков на ограде».

И вот однажды, в конце осени, младшие фрейлины пригласили эту женщину, привели ее в сад, где алели кленовые листья, и приказали:

— Спешно разбери и сломай в опочивальне все подряд, начиная с полок в стенных шкафах и кончая досками алтаря в честь богов Дайкоку и Эбису!¹

— Но покои еще новехонькие, зачем же их разорять? — спрашивает та.

— Не удивляйся, дело вот в чем, — отвечали девицы. — Минувшей ночью, когда полная луна была

¹ *Дайкоку и Эбису* — боги, приносящие богатство и счастье.

так прекрасна, госпожа наша в наилучшем расположении духа до позднего часа находилась в этих самых покоех и под конец слегка задремала. Две приближенные девицы — Миги-мару и Хидари-мару — стали перебирать струны кото у ее изголовья, и так чудесно они играли, что все, кто там был, проснулись и вдруг видят: с потолка спускается женщина и по полу ползет к госпоже; а рук у нее — четыре, лицо смуглое, почти черное и круглое, как у Ото-годзэ¹, а стан и все тело — плоские. Госпожа вскрикнула от испуга и приказала: «Подайте мне мой кинжал-хранитель!» Но пока девица Кураноскэ, фрейлина госпожи, бегала за кинжалом, призрак исчез. Госпожа сказала, что ей привиделся страшный сон. И тут она почувствовала сильную боль, словно ей забили гвоздь в позвоночник, и от боли даже впала в беспамятство. И хотя никакой раны у нее па теле не оказалось, тем не менее на циновках виднелись следы крови. Тут призвали гадалышика по имени Сакон из рода Абэ, показали ему эти пятна, и он сказал: «В этих покоех скрывается нечто, могущее стать причиной несчастья!» Вот почему решено полностью заменить здесь все убранство. Так что смело снимай и разбирай все подчистую.

И вот убрали, сдвинули с места все вплоть до сёдзи², оставив в неприкосновенности только стены, однако ничего необычного не обнаружили. «Вот единственное, что еще внушает сомнение!» — сказа-

¹ *Ото-годзэ* (Ото-годзэн) — прозвище некрасивой женщины с маленькими глазками, плоской переносицей, толстым скуластым лицом.

² *Сёдзи* — легкие раздвижные рамы, оклеенные бумагой, заменявшей стекла в окнах японских домов.

ла женщина-плотник и с этими словами сняла прибитую к стене доску из храма Энрякудзи с листками, на коих начертаны молитвы, дарующие благополучие дому. И через несколько мгновений эти листки зашевелились. Удивленные фрейлины стали осторожно снимать листок за листком и под седьмым сверху обнаружили ящерицу длиной в добрых пять сун, прибитую к доске железным гвоздем и совершенно иссохшую, так что стала она плоской и тонкой, как бумажный листок, однако все еще оставалась жива и шевелилась.

Ящерицу тотчас сожгли дотла, и с той поры в доме воцарилось благополучие.

НЕРОВНЫЙ СЧЕТ НАКАНУНЕ НОВОГО ГОДА

Накануне Нового года звонко кричат разносчики, предлагая плоды торрейи¹, сушеный каштан, папоротник, ветки сосны, в домах толкут рис, готовя новогоднее угощение. А рядом, по соседству, живет человек, который и пальцем не пошевелит, чтобы хоть сажу в доме смахнуть, до двадцать восьмого числа последнего месяца года не удосужится хотя бы бриться, а молодого приказчика, присланного из лавки рассчитаться за взятый в долг рис, встречает свирепым взглядом и словами: «Сказано было — обожди до весны! Или, может, хозяин твой не согласен?!» — и хва-

¹ *Плоды торрейи* (вечнозеленого хвойного дерева), *каштаны*, декоративные ветки сосны — неперменные атрибуты новогоднего ритуала. Плоды торрейи, сваренные и очищенные от кожуры, так же как и каштаны, — традиционная новогодняя закуска к сакэ, рисовой водке.

тается при этом за свой меч в старомодных ножнах красного цвета...

Так не по правилам жил этот человек в нашем правильно устроенном мире. Звали его Харада Найскэ, и был он известный ронин. На что уж обширен, кажется, город Эдо, да и там не нашлось для него жилища, и вот уж несколько лет, как он снимал домик в Синагава, неподалеку от чайного дома «Фудзи». Поутру не имел он дров, чтобы развести огонь в очаге, а вечером — не было масла, чтобы зажечь свечильник. Бедствуя, встретил он канун Нового года. А между тем был у него шурин, врач Накараи Сэйан, живший в квартале Канда, в переулке у храма Мёдзин.

К сему лекарю и обратился Найскэ с письмом, прося оказать ему помощь, и хоть частенько досаждал он врачу подобными просьбами, однако что делать? Не бросишь ведь родственников на произвол судьбы! Врач завернул в бумагу десять золотых рё, написал сверху: «Пилюли «Злато», чудодейственное лекарство от недуга «бедность». Хорошо помогает также и при всех прочих болезнях», — и послал эти деньги своей сестре, жене ронина.

Найскэ возликовал и на радостях велел звать в гости давних своих приятелей-ронинов выпить по чарке сакэ по случаю наступающего Нового года. Как по заказу, и ночь выдалась снежная, что придавало особую прелесть предстоящему празднеству. Отворив сплетенную из сучьев калитку, что вот-вот готова была развалиться, Найскэ приветствовал гостей словами: «Добро пожаловать!» Пришли семеро, все — в бумажных кимоно, в тонких накидках не по

погоде, но строгие их манеры и все поведение свидетельствовали, что не забыли они прежнего своего высокого положения.

Когда закончился обмен подобающими приветствиями, хозяин сказал:

— Мне улыбнулось счастье, я получил некое вспомоществование, благодаря чему могу в довольстве встретить новогодние праздники!

— Поздравляем! — ответствовали гости. — Вот бы и нам такая удача!..

— К тому же надпись на пакете с деньгами весьма забавна! — прибавил Найскэ и показал гостям сверток с монетами.

— Превосходно! И как остроумно! — хвалили гости, по очереди рассматривая сверток, а тем временем пошли в ход чарочки сакэ.

— Ну вот, проводы старого года удались на славу! Однако поздно мы засиделись! — сказали гости и запели прощальную песню «Долгие годы...», а хозяин поднес каждому подогретого сакэ и соленые закуски в горшочках.

— Но прежде чем мы разойдемся, давай-ка спрячь свои деньги! — сказали гости. Начали собирать монеты, и тут оказалось, что вместо десяти золотых в наличии только девять. Вмиг веселья как не бывало, гости трясли рукавами, расправляли складки одежды, все кругом обыскали, но лишь окончательно убедились, что монета исчезла.

— Как же я запамятовал, что давеча уже уплатил золотой одному человеку, — проговорил тут хозяин. — Просто диву даюсь, отчего сначала нам показалось, будто всех монет десять!

— Так или иначе, нам хотелось бы отвести от себя подозрение! — отозвались гости, и сидевший во главе стола первым стал развязывать пояс. Его сосед последовал его примеру, третий же гость с удрученным видом выпрямился, приняв еще более церемонную позу, и промолвил:

— Бывает же такое злосчастное совпадение! Мне незачем трясти и осматривать одежду, ибо есть у меня при себе ровнехонько один золотой. Уж, видно, так судил мой злой рок! Не ждал, не гадал я, что придется мне нынче расстаться с жизнью! — сказал он со всей решимостью. Но ему дружно возразили:

— Вовсе не ты один в таком положении! Пусть мы нищие ронины, но все же у каждого может оказаться при себе золотой!

— Справедливо сказано, — отвечал тот. — И я расскажу вам, откуда у меня эти деньги. Вчера я продал мой короткий меч работы мастера Токудзэ за один рё и два бу торговцу редкостями, господину Дзюдзаэ-мону. И хотя все это истинная правда, но, как видно, продал я его на свою же беду! Вас же прошу в знак старой дружбы справиться у него об этом, когда покину я сей мир, дабы снять позорное клеймо с моего имени! — И с этими словами он хотел уже обнажить свой меч с рукояткой из акульей кожи, как вдруг кто-то воскликнул:

— Да вот же она, монета! — и поднял золотой, лежавший в тени, за стоячим бумажным фонарем. Все облегченно перевели дух.

— Вперед будь осторожнее с собственным добром, — стали говорить хозяину гости, но в это время из кухни вдруг раздался голос жены Найскэ: